

3 APR 40

МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА

Урок был окончен. Ученик, поблагодарив преподавателя, ушел. Пора было уходить и мне. Уже у самой двери Аня Григорьевна Кипнерар остановила меня:

— Подождите минутку, а нас о чем-то спросил. Вы знаете, что происходило на этом уроке?

— Как будто вы: постановка голоса.

— Да, но об этом надо по-другому сказать... Вы знаете, что такое счастье?

Этот вопрос был уже совсем неожиданным в потоку беседы.

— Вот вы молчите. А я прожала больше вас. Мне 40 лет, а я знаю, что такое счастье. Это — искусство. Это — вот постановка голоса. Когда приходишь к преподавателю, не можешь владеть даже то горловою и суше звуки, а потом голос его становится глубоким и мягким, выходящим в самую душу артиста, а я слыжу в себе, слышу этот голос, — мой голос, мою сделанную... Понимаете, что такое счастье?

...Пока происходила эта беседа, в артистическом зале шла репетиция третьего и четвертого актов «Бригады». Этот спектакль, поставленный впервые в МХАТ несколько десятилетий назад, был одним из любимых детей первого поколения художественного. И вот сейчас это дети рождаются вновь, и вновь его колесница стоят почти все те же художественники.

Пусто годы посебризили их головы — это все те же вихри и джунгли со светлыми сердцами и вдохновенным воображением, люди, влюбленные в искусство, вечная молодость которого не дает стариться душой его истинных творцов. И когда вышли на сцену удивительное Василия Ивановича Качалова, и сородительное Николая Павловича Хвостова, и роскошную Настасью Георгиевну, когда на излете их шагов, жестом следил на полукругом сцене зала строгая и любозная, широко острый взгляд

Владимира Ивановича Непомнящего-Давыдова, — радость и горечь становились на сердце.

Великое творческое содружество всех трех поколений мхатовцев, общая их любовь к театру, преданность, передача бесценных традиций Станиславского от старших к младшим — вот в чем «секрет молодости» художественного. Делать их на старых и молодых нельзя, бессмысленно даже. Они все молодые. Только молодыми (в буквальном, возрастном смысле этого слова) надо еще много, очень много учиться.

И она учелась.

В равнин, утренний час, когда улицы столицы еще не очень густы и холотланды, заканчивал работу в Московском Художественном театре.

Едва осененные кистицы и коридоры. Тут было поблескивали узкие коридоры, люди ходят тихо ступая, зеркала очень осторожно притрагивая бесшумные двери.

В живом фойе — урок гимнастики, потом — фетоники — предметы, обязательные и необходимые для артиста.

На стенах все так же, как в часы спектакля, висят портреты бессмертных драматургов и артистов, с именами которых связана судьба МХАТ. За стеклом простой коринфской рамы на суровом позолоте поблескивал для орлеа—де великий и заслуженный награды театру от советского правительства—орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени. Так же, как и черепом во время антракта в углу фойе чернел как ролик.

Зрительный зал страны в своей необходимости. Раскрыт занавес, в на обложке огромной сцены завербой стучат молотки. Монтируется декорация — спорно является репетиция.

Громкая сц. молотков не доносятся до репетиционных помещений, артистические уборных второго, третьего и четвертого ярусов. Сейчас здесь везде идут

уроки. Сейчас здесь «монтируется», организуется будущее МХАТ.

Старейшего мастера Художественного театра передает свои знания, опыт молодежи. Ей предстоит вестя в десятилетия, в наступившем завтра прекраснейшее на свете искусство, искусство реалистического воплощения жизни на сцене лучшего театра мира.

Ровно в десять заслуженная артистка Республики Аня Николаевна Литвинова пришла жалматься к молодым артистам.

Началось о разговора строгого, но не обидного (здесь вообще нет места обидам. Хочешь стать артистом—выбуди о гониме и самоуверенности, слушая правду, как бы горька и безжалостна она ни была, и немедленно начинать трудиться, чтоб победилось лучше, естественнее, правдивее).

— Гали, слушайте: я не знаю, что вы приносили что-либо новое от урока к уроку. Я не вижу, что вы начали становиться Смелякой. Помните: вы должны быть не Галей Шошиной и не Ниной Смелякой, это должно быть одно лицо, человек с одним сердцем, с одним чувством. Забудьте о себе. Начните видеть себя по-другому в обдуманной жизни: хитле, как Смелячка, говорит, как эта «лавица на провинциальном театре». Пусть же знакомые удивляются и не понимают этой перемены в вас. Не обращайтесь внимания, делайте свой ролик. Скажите мне, когда не выходящая из головы, а как вы чувствуете: нан относится Смелячка к Саше Негиров, маня она, эта Смелячка? Ну же, ну! Думайте, думайте надо! Соединяйте мысль о том, что вы чувствуете!

Светловослоса, коротко отстриженная девушка шитая и красится. Только ее брови быстро вылетают вверх, и пальцы перебирают тонкое сухо скатерти, выходящей рабочей стои.

— Нина Николаевна, мне трудно. Я никак не могу забыть об Ольге Никола-

евне Андровской в этой роли. Я так вот люблю представлять себе ее, что не могу забыть сделать что-то свое.

— Но вот это-то и плохо. Гали Самылина ты вы колда-ишь о том, что Константин Сергеевич называл «мелочью»? Знаете, пишесловы для каждой пьесы ставит особую приманку — макот. Вот и артист должен найти в себе такой «макот» для каждой роли, найти что-то свое, никому еще не свойственное. А пока, пока этого не будет, вы будете учиться играть, а в нашем театре не играют, а живут. Ну, давайте попробуем. Вот вы привезите и Негиров. Ну, что вы и ней чувствуете? Прекрасна, жалость, меланхолия? Начинайте.

Гали Шошино хмурит брови, слушает глазами, молчит несколько мгновений. О чем думает теперь она? О «Талантах и поклонниках» Орстрогого, где сейчас будет играть? О Смелякой? А, быть может, о какой-нибудь своей знакомой, похужей на Негиров?

Наконец Гали улыбнулась, начала:

— Вот, Саша, на! Нина Семелович пришла зам на платку. Это тебе, а это — мне.

Студент Петр Егорич перебывает в Смелячку. Острые и резкие фразы репетиции Орстрогого становятся в раздатки, арконовые внимание и слух. Аня Николаевна — вся слух, вся — внимание. Она десятки раз останавливает Шошину и Егусина, ириванное Петра Григорьевича. Вместе с ними Литвинова долго, трудолюбиво, упорно висит джунгли интонаций, нервно поворачивая на слово, каждого оборота речи. Негиров ничего не выговаривает. Ученики сами должны найти свое решение каждой фразы, каждого положения. И она, и Ольга возвращаются к первому: «Вот, Саша, вот-пана «мелоч» не найден, пока Нина Николаевна не скажет: «Вот это уже что-то хорошее...» попробуем дальше.

И вновь пробуют, и еще раз начинают... Так старатель ищет кривым истопляющее золото в горах песка и корыды.

Пока занимались Шошино и Егусина, наверху, а прохладной артистической, с Г. А. Герасимовым работала Милеева и Заикигорская. Они делали сцену на че-

ховского «Витиевого зала». Милеева старовилась Аня». Заикигорская — Профисовым. А Герасимову все не нравилось это перевоплощение, и он требовал:

— Сначала! Ольга сначала! Вот это: «Я представляю вам сцену, Аня. Я уже вижу его...» Я уже слышу его шаги... Только не торопитесь, больше честности! Еще раз!

С радостью, с каким-то нескончаемым рвением сцена повторяется еще раз, и тут открываются глаза какие-то уже новые мужские, и требование еще раз опать удовлетворенности безответно. Нет, не безответно — с удивлением и счастьем.

Надо видеть светлеее лицо педагога, когда он удивляется какие-то нотки правды и голоса своих питомцев, в выражении их лиц, в повороте корпуса. Надо видеть эти лица, зажимающиеся счастьем, когда вершится истопляющее искусство.

Вечером реализовались серьезные знания о лекциях часовой, и мы увидели «комсомолец МХАТ» на сцене восточных артистов. И та самая Гали Шошино, что сегодня в каждый день третью долгие часы, чтобы учиться у старших педагогов и товарищей, что бы найти хоть один малейший настоящий пухик будущей роли, является в спектакле платка фел из «Смеля и пингвины». Милеева будет Марианной в «Тригубе», Готкин — Паломичем в «Дядюшкином оне», Комолова — Шуркой в «Достигаеве», комсомолка Петрова—Женей в «Трудовом хлебе», секретарь комитета комсомола МХАТ Лиана Халатова станет Вогодуловской в «Босфорелана». И это на сцене пуха в зала подумает, что надо поместить на четыре эти артисты — настоящие артисты-мхатовцы — учились, как школьники, трудностями, как старатели, добывающие золото?

Нет, не подумают этого. Потому что перед нами путь не мастера еще, но уже художника, и каждый из них обрывает своим творческим почерком, своим дарованием.

И уж Комолову — Шурку — по-особому улововати, ахти, ахти, — отличить от любой другой Шурки, и нежно, чуть дулаву Марианну Милееву

ли оступать ни с какой другой Марианной.

На уроках и репетициях, изучая систему Станиславского и епанеическое движение, в переиаве между аналитиком и гримирован перед спектаклем, вместе с педагогом и надлежит с самим собой молодые мхатовцы стараться и достигают высшего, чистой, сияющей вершины искусства.

Тяжело третье поколение мхатовцев, поколение Георгиевской, Верейкина, Патенкова, Базаровой и многих, многих других. Но уже растет и расцветает племя молодых, неважкомое — побег четвертого поколения.

На уроке художественного чтения, который так душевно и просто вела Татьяна Ивановна Дорохина, мы встретились с Кировой Ивановой и Николом Горемычкиным — 20-летними комсомольцами, совсем недавно пришедшими в театр.

Вот замечательно: сорок три молодых артиста МХАТ получили право учиться в школе, который открывалось с апреля «Трудовым хлебом». Из сорока трех — семнадцать комсомольцев.

Но много еще предстоит завоевать.

Вдунет так велико, так необходимо. И сделать его прекрасным может только труд Упорный, бескомпромисный, вечна испуший нового труда артиста, которого школа гения Станиславского.

Система Станиславского — основной предмет, преподаваемый молодым артистам.

И когда народный артист РСФСР Василий Григорьевич Сажновский, заслуженные артисты республики Василий Александрович Орлов, Новобод Александрович Воробичин занимались с молодежью говорить о предосторожии ей пути, они говорили о пути, пройденном Станиславским и Непомнящим-Давыдов.

Ты гениа основоположников МХАТ, неисчерпаемая область его стариков» соединяет будущее театра, пестуют молодежь, утверждая молодость МХАТ, молодость безвнузу, как само искусство.

А. ИЛУПИНА.